Райнхарт Козеллек

«Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории

Методические замечания

«*Поскольку так часто выступают против гипотез, нужно попытаться подойти к истории без гипотез. Нельзя сказать, что нечто существует и при этом не сказать, чем оно является. Когда мыслят об истории, уже соотносят факты с понятиями, и не безразлично с какими*» [Schlegel, 1964, s. 51]. Этим высказыванием Фридрих Шлегель подвел итог теоретическим размышлениями предыдущего столетия[1] о том, что есть история, как ее познают и как ее следует писать. Результатом этого исторического Просвещения, которое было вызвано к жизни осознанием истории как прогрессивного развития, стало открытие «истории самой по себе». Коротко говоря, речь идет о трансцендентальной категории, которая соединяет условия возможности истории с условиями ее познания[2]. С этого времени стало уже неуместным, хотя и весьма распространенным судить об истории с научной точки зрения без прояснения категорий, посредством которых она артикулируется.

Историк, который, несмотря на свои собственные переживания и воспоминания, обращается к прошлому, исходя из своих вопросов, или же желаний, надежд и забот, сталкивается прежде всего с так называемыми остатками, которые еще и сегодня более или менее многочисленны. Когда он превращает эти остатки в источники, свидетельствующие об истории, познанием которой он занимается, движение происходит на двух уровнях. Либо историк исследует обстоятельства, которые уже нашли выражение в языке, либо он рекон-

---

Козеллек Райнхарт (1923-2006) — немецкий историк-теоретик.

Перевод с немецкого Антона Котова и Олега Кильдюшова под ред. А. Смолькина и И. Напреенко выполнен по: Koselleck R. (1995) «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien. Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt am Mein, Suhrkamp: 349-377. Публикуется по соглашению с Suhrkamp Verlag.

1 XVIII в. — *Прим. пер. (здесь и далее все примечания переводчика даны А. Котовым).*

2 См. мою статью [Koselleck 1975]. Последующие размышления основываются на работах, написанных в рамках подготовки издания данного исторического словаря. Я посвящаю их Вернеру Конце в знак моей благодарности. Без его неустанной поддержки этот проект не смог бы осуществиться.

струирует обстоятельства, ранее в языке не воплощавшиеся, но которые он выявляет из остатков с помощью гипотез и методов. В первом случае эвристической точкой опоры историку служат понятия, унаследованные от языка источника, помогающие схватить ушедшую действительность. Во втором случае историк прибегает к понятиям, образованным и определенным *ex post*, то есть к научным категориям, которые применяются к источнику, но отсутствуют в нем.

Таким образом, мы имеем дело с понятиями, привязанными к источникам, и с категориями научного познания, которые следует различать, хотя они и могут (но не обязательно) быть связаны между собой. Часто одними и теми же словами могут обозначаться как понятия из исторического (*geschichtliche*)[1] прошлого, так и категории исторической (*historische*) науки. В таком случае особенно важно прояснить различия в их использовании. Именно история понятий занимается оценкой и исследованием этого различия или схожести понятий прошлого и современных познавательных категорий. В этом отношении история понятий, какой бы богатой она ни была на собственные методы и несмотря на ее эмпирическую продуктивность, является видом пропедевтики научных теорий истории — она ведет к историке[2].

Сразу следует уточнить, что при последующем рассмотрении пространства опыта и горизонта ожиданий в качестве исторических (*historische*) категорий оба выражения понимаются не как понятия, заимствованные из языка источника. Мы сознательно отказываемся даже от установления исторического происхождения этих

---

1 В немецкой культуре в целом, несмотря на оформление единого семантического поля, для понятий *Geschichte* и *Historie* все же сохраняется смысловая разница, которая самим Р. Козеллеком была акцентирована в работе над «Словарем основных исторических понятий» (см. Козеллек Р. (2014) Образование современного понятия истории (*Geschichte*). *Словарь основных исторических понятий*. Т.1. М.: 127-196). Учитывая авторскую рефлексию обоих понятий, было бы некорректным опустить при переводе эту разницу. *Geschichte*, начиная с Нового времени, приобрело значение истории как совокупности событий, а *Historie* — истории как изучения этих событий, как исторической науки. Конечно, за прошедшие столетия, как показал сам Р. Козеллек, объем понятий расширился, однако эта смысловая дельта сохраняется в представленной работе. В русском языке эти понятия слились в одном слове, и, если в отношении феномена и института допустимо развести понятия при помощи контекста или же соответствующим уточнением — наука, то в отношении прилагательных не представляется возможным указать на смысловую разницу. Поэтому далее при переводе в случае использования «исторический» в значении «изучение истории, рассказ, история как наука» в скобках указывается *historisch* (или соответствующие грамматические формы). — *Прим. пер.*

2 Понятие введено Иоганном Густавом Дройзеном. См. Дройзен И.Г. (2004) *Историка*, СПб. — *Прим. пер.*

выражений, словно бы выступая против методического требования, которому должен подчиняться профессиональный историк понятий. Существуют исследовательские ситуации, в которых отказ от историко-генетических вопросов может заострить взгляд на саму историю. Во всяком случае, систематическое требование, вытекающее из данной процедуры, будет более понятным, если вначале отказаться от историзации собственной позиции.

Уже из повседневного словоупотребления видно, что выражения «опыт» и «ожидания» не передают историческую действительность, как исторические (*historische*) обозначения или названия. Очевидно, что «Потсдамский договор», «античная рабовладельческая экономика» или «Реформация» обозначают сами исторические события, обстоятельства или процессы. «Опыт» и «ожидания» в сопоставлении с ними — лишь формальные категории, так как то, что произошло, и то, что ожидается, невозможно вывести из самих этих категорий. Формальная попытка интерпретировать историю вообще при помощи этих полярно противоположных терминов может лишь обрисовать и установить условия возможной истории, но не ее саму. Речь идет о познавательных категориях, которые помогают обосновать возможность истории. Иначе говоря, нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей. Но это еще ничего не говорит о конкретной прошлой, настоящей и будущей истории.

Конечно, это качество формальности наши категории разделяют с другими многочисленными терминами исторической науки. Я напомню о «господине и рабе», о «друге и враге», «войне и мире», о «производительных силах и производственных отношениях», или можно еще вспомнить о категории общественного труда, политических поколениях, о конституционных формах, о субъектах социального или политического действия или о категориях границы, пространства и времени.

Всегда речь идет о категориях, которые ничего не говорят нам об определенных границах, определенных состояниях и так далее. Но то, что ставится вопрос об этих границах, состояниях или том или ином опыте и ожидании и что они попадают в поле зрения, уже предполагает категориальное использование выражений.

Однако практически для всех упомянутых нами формальных категорий характерно то, что они одновременно являются либо являлись историческими, т.е. экономическими, политическими или социальными понятиями, и то, что они заимствованы из жизненного мира. В этом отношении они, возможно, разделяют достоинство тех теоретических понятий, которые у Аристотеля самим значением слова выражают наглядность, так что повседневный мир политики сохраняется в рефлексии. Но именно применительно к донаучному

жизненному миру с его политическими и социальными понятиями очевидно, что из него можно вывести дифференцированный и ранжированный список формальных категорий. Кто станет отрицать, что такие выражения, как «демократия», «война или мир», «господство и рабство», жизненнее, конкретнее, ощутимее, нагляднее, чем наши категории «опыт» и «ожидания»?

Очевидно, что категории «опыт» и «ожидания» претендуют на более высокий, даже максимальный уровень генерализации, но при этом они незаменимы. В этом они как исторические (*historische*) категории сопоставимы с пространством и временем.

Это можно обосновать семантически. Перечисленные насыщенные реальностью понятия в качестве категорий задают альтернативы, то есть значения, которые исключают друг друга и тем самым создают более ограниченные, более конкретные поля значений, даже если они соотнесены друг с другом. Так, категория труда указывает на досуг, войны — на мир, и наоборот, границы — на внутреннее и внешнее пространство, одно политическое поколение — на другое или на свой биологический коррелят, производительные силы — на производственные отношения, демократия — на монархию и т.д. Понятийная пара «опыт и ожидание», очевидно, другой природы — они скрещены между собой, не задают никакой альтернативы; более того, одно невозможно без другого. Нет никакого ожидания без опыта и нет никакого опыта без ожиданий.

Даже без тщетного ранжирования можно сказать, что все названные категории условий возможной истории применимы по отдельности, но конституирование ни одной из них немыслимо вне опыта и ожидания. Таким образом, обе наши категории указывают на человеческое; если угодно, они указывают на антропологическую предзаданность, без которой история невозможна или даже немыслима.

Новалис, еще один ключевой свидетель времени, когда историческая теория созрела, но еще не окостенела в идеалистических системах, сформулировал это в своем «Гейнрихе фон Офтердингене». Подлинный смысл человеческих историй проявляется лишь позднее, полагал он, намекая на открытие истории в XVIII веке. Лишь когда появляется способность наблюдать целый ряд событий и уже не принимать все буквально, но вместе с тем и не путать их, лишь «тогда начинаешь замечать тайное сплетение минувшего и грядущего, тогда начинаешь строить историю из надежды и воспоминаний» [Novalis 1960][1].

Под «историей» (*Geschichte*) тогда еще не подразумевалось главным образом «прошлое», как стало позднее в результате научной

1 См. русский перевод: Новалис (1922) *Гейнрих фон Офтердинген*. Пер. З. Венгеровой, В. Гиппиус, ПГ.: 81-82. — *Прим.пер.*

переработки, но скорее речь шла о тайной связи между прошлым и будущим, которую только и стоило исследовать, после того как научились соединять историю обоих модусов бытия — воспоминаний и надежды.

Несмотря на христианское происхождение этой точки зрения, мы имеем здесь аутентичный случай трансцедентального определения истории, к которому мы отсылали в начале. Условия возможности подлинной истории являются одновременно условиями ее познания. Надежда и воспоминание или, говоря обобщенно, ожидание и опыт, — потому что ожидание охватывает больше, чем надежда, а опыт уходит глубже, чем воспоминание, — одновременно конституируют историю и ее познание, причем это происходит посредством обнаружения и установления внутренней взаимосвязи прошлого и будущего вчера, сегодня или завтра.

Тем самым я перехожу к своему тезису: опыт и ожидания — две категории, которые пригодны для обсуждения исторического времени, потому что они скрещивают прошлое и будущее. Эти категории также подходят для обнаружения исторического времени в области эмпирических исследований, поскольку своим содержательным богатством помещают конкретные действия в контекст социального или политического движения.

Приведем простой пример: опыт казни Карла I расширил столетием позднее горизонт ожиданий Тюрго, поторапливавшего Людовика XVI с реформами, которые должны были предохранить короля от той же участи. Тюрго напрасно предостерегал своего короля. Но временна́я связь между минувшей английской и надвигающейся Французской революцией стала ощутимой и открытой, и эта связь выходила за пределы чистой хронологии. Конкретная история осуществляется в среде определенного опыта и определенных ожиданий.

Оба наших понятия не только включены в конкретный исторический процесс и помогают его дальнейшему движению. Как категории нашего исторического (*historische*) знания они также являются формальными определениями, которые раскрывают этот процесс. Они указывают на темпоральность (*Zeitlichkeit*) человека и этим, если угодно, метаисторически указывают на темпоральность истории.

Попытаемся пояснить этот тезис в два этапа. Прежде всего я намерен очертить метаисторическое измерение: насколько опыт и ожидания как антропологические данности являются условием возможных вариантов истории.

Во-вторых, я попробую показать исторически (*historisch*), что в прошлом соотношение опыта и ожиданий сдвигалось и изменялось. Если доказательство удастся, то будет показано, что историческое время — это не просто бессодержательное определение,

но величина, точно так же изменяющаяся вместе с историей, и это изменение можно вывести из меняющегося соотношения опыта и ожиданий.

Пространство опыта и горизонт ожиданий как метаисторические категории

Начиная с пояснения метаисторических, а, следовательно, и антропологических значений наших категорий, заранее прошу у читателя прощения за лаконичность или краткость этого наброска, на что я вынужден пойти, чтобы уделить больше места доказательству. Без метаисторического определения, которое указывает на темпоральность истории, при использовании наших выражений в эмпирическом исследовании мы тотчас бы попали в бесконечный водоворот их историзации.

По этой причине можно предложить несколько определений: опыт — это прошлое настоящего, события первого включены во второе и о них можно вспомнить. Как рациональная переработка, так и неосознанное отношение к событиям, которые (больше) не должны присутствовать в знании, соединяются в опыте. Кроме того, в каждом личном опыте всегда содержится и сохраняется чужой опыт, передаваемый поколениями или институтами. Именно в этом смысле *Historie* издавна понимается как знание о чужом опыте.

Подобное можно сказать и об ожиданиях: они одновременно являются как персональными, так и интерперсональными, чего-то ожидают уже сегодня, это будущее настоящего, направленное на «еще не»: на еще не пережитое, на то, что еще может быть открыто. Надежда и страх, желание и воля, тревоги, а также рациональный анализ, чувственное восприятие и любопытство — все это входит в ожидания, конституируя их.

Несмотря на их принадлежность к настоящему, речь вовсе не идет о симметричных взаимодополняющих понятиях, которые зеркально соотносят друг с другом прошлое и будущее[1]. Опыт

1 Ср. анализ Августина в 11-й книге его «Исповеди», в которой объясняется три временных измерения ожиданием, восприятием и воспоминанием в духе, в anima. Также см. анализ Хайдеггера в его «Бытие и Время», а именно главу 5 — «Временность и историчность», в которой временное состояние человеческого существования показано как условие возможной истории. Конечно, ни Августин, ни Хайдеггер не распространяли свой вопрос на время истории. Можно ли в достаточной мере вывести интерсубъективные языковые структуры истории при экзистенциальном анализе — это пока остается открытым вопросом. Далее предложена попытка использовать метаисторические категории «опыт» и «ожидание» как индикаторы изме-

и ожидание — это, скорее, различные модусы бытия. Это проясняется в ремарке графа Райнхарда, который писал Гете в 1820 г. после неожиданного возобновления революции в Испании: «Вы абсолютно правы, мой уважаемый друг, в том, что говорите об опыте. К индивидам он всегда приходит слишком поздно, а для правительств и народов он вообще никогда не доступен». Французский дипломат подхватил выражение Гете, которое тогда стало широко распространенным (например, оно встречается у Гегеля) и обозначало конец непосредственной пригодности исторических (*historischer*) учений. «Это происходит оттого, — я бы хотел обратить внимание на следующий пассаж, несмотря на историческую (*historischen*) ситуацию, в которой впервые это утверждение фигурирует, — это происходит оттого, что уже имеющийся опыт сфокусирован на одном остром моменте, тогда как опыт, который еще только предстоит получить, рассеян по минутам, часам, дням, годам и столетиям, так что подобное никогда не кажется подобным, поскольку в одном случае видят только целое, а в другом — лишь отдельные части» [Goethe und Reinhard, 1957, s. 246].

Прошлое и будущее никогда не совпадают, так же как и ожидания не могут полностью выводиться из опыта. Однажды полученный опыт является завершенным настолько, насколько вызвавшие его причины ушли в прошлое, в то время как то, что будет сделано в будущем, антиципированное в ожиданиях, распадается на бесконечное число различных временны́х промежутков.

Этот вывод графа Райнхарда соответствует нашему метаисторическому описанию. Время, как известно, может быть выражено только посредством пространственных метафор, но все же убедительнее говорить о «пространстве опыта» и «горизонте ожиданий», чем о «горизонте опыта» и «пространстве ожиданий», хотя и эти выражения не лишены смысла. Вопрос здесь как раз в том, чтобы показать: присутствие прошлого в настоящем отличается от присутствия в нем будущего.

Есть смысл утверждать, что вытекающий из прошлого опыт — пространственен, так как он соединяется в некую целостность, в которой присутствует множество слоев более раннего времени, не указывая, какой из них является предшествующим или последующим. Нет такого опыта, который может быть хронологически измерен, но он может быть датирован по связанным событиям, так

нения и исторического времени. Ганс-Георг Гадамер выявил историческую импликацию всякого опыта в своей книге «Истина и метод» [Gadamer H.-G. 1960]. (См. русский перевод: Гадамер Г.-Г. (1988) *Истина и метод: Основы филос. герменевтики*. Пер. с нем. Б.Н. Бессонова, М.: 402 и далее. — *Прим. пер.*)

как опыт в любой момент времени состоит из всего того, что можно извлечь из собственной памяти и знаний о чужой жизни. Хронологически любой опыт скачет во времени, он не создает никакой непрерывности в смысле последовательной переработки прошлого. Его скорее, обращаясь к образу Кристиана Майера, следует сравнивать со стеклянной дверцей работающей стиральной машины, за которой появляется то одна, то другая вещь.

И наоборот, точнее применить метафору горизонта ожиданий вместо пространства ожиданий. Горизонт — это такая линия, за которой открывается пока еще невидимое пространство нового опыта. Доступность будущего, несмотря на возможные прогнозы, наталкивается на абсолютную границу, так как оно непостигаемо. Это метко показано в современном политическом анекдоте.

«Коммунизм уже виднеется на горизонте», — как-то объявил Хрущев в своей речи.

Вопрос из аудитории: «Товарищ Хрущев, а что такое горизонт?».

«Посмотрите в словаре», — отвечает Никита Сергеевич.

Дома любопытствующий находит в справочнике следующее пояснение: «Горизонт — видимая линия, которая отделяет небо от земли, удаляющаяся при приближении» [Drozdzynski, 1974, s. 80].

И здесь, если не затрагивать политический аспект, показано следующее: ожидаемое в будущем, очевидно, ограничено иным образом, чем то, что уже пережито в прошлом. От лелеемых ожиданий можно отказаться, тогда как накопленный опыт остается.

От опыта можно ожидать, что он может повториться и подтвердиться в будущем. Но нельзя уже сегодня проверить ожидания таким же образом. Хотя — обнадеживающая или пугающая, превентивная или планирующая напряженность в будущем может рефлексироваться. В этом отношении даже ожидания могут быть пережиты. Но сформулированные в ожиданиях условия, ситуации или последствия не являются сами по себе содержанием опыта. Опыт отличается тем, что он переработал произошедший в прошлом случай, он может его реализовать, он пропитан реальностью и включает в себя реализованные и упущенные возможности.

Повторюсь, что речь идет не о простых антонимах, они скорее обозначают различные способы бытия, из напряжения между которыми можно вывести нечто вроде исторического времени.

Приведем известный пример. Гетерогенность целей — «никогда не происходит то, что ты ожидаешь»[1], — это специфическое определение исторического течения времени кроется в предзаданном различии между опытом и ожиданиями. Одно нельзя перевести

1 *Erstens kommt es anders, zweitens als man denkt* — Вильгельм Буш. — *Прим.пер.*

в другое без разрыва. Даже если сформулировать этот вывод как неопровержимый тезис, основанный на опыте, из него еще не следуют никакие точные ожидания.

Ошибается тот, кто верит, что способен вывести ожидания полностью из своего опыта. Если что-то случится иначе, чем ожидалось, то из этого можно извлечь хороший урок. Но и тот, кто не обосновывает свои ожидания опытом, тоже совершает ошибку. Ему стоило бы задуматься. Здесь налицо апория, которая разрешается со временем. Так, маркируемое обеими категориями различие отсылает нас к структурному признаку истории. В истории всегда происходит нечто отличное от предзаданного.

Сам этот вывод не слишком удивителен. События всегда могут произойти иначе, чем ожидалось, это только субъективная формулировка объективного факта, что историческое будущее никогда полностью не проистекает из исторического прошлого.

Однако необходимо добавить, что все могло быть иначе, чем было испытано. Возможно, опыт содержит ложные воспоминания, которые поддаются корректировке, или новый опыт открывает другие перспективы. Со временем приходит понимание, накапливается новый опыт. Таким образом, однажды полученный опыт может измениться со временем. События 1933 года произошли раз и навсегда, однако связанный с ними опыт может измениться с течением времени. Опыт может накладываться на другой опыт, они могут пропитывать друг друга. Более того, новые надежды, разочарования или ожидания включаются в него ретроспективно. То есть опыт изменяется, хотя всегда остается именно тем, что однажды случилось. Это и есть темпоральная структура опыта, который не может быть накоплен без ретроспективных ожиданий.

Иначе обстоят дела с темпоральной структурой ожиданий, которые невозможны вне опыта. Когда сбываются ожидания, основанные на опыте, это не удивляет. Удивлять может только то, что не ожидалось: тогда появляется новый опыт. Брешь в горизонте ожиданий создает новый опыт. Приобретенный опыт преодолевает в таком случае ограничение возможного будущего, предзаданного прежним опытом. Таким образом, временной прорыв ожиданий заново упорядочивает оба наши измерения по отношению друг к другу.

Говоря кратко, именно это напряжение между опытом и ожиданием провоцирует каждый раз по-разному новые решения и тем самым производит из самого себя историческое время. Это становится особенно очевидным в структуре прогноза, если привести последний пример. Вероятность осуществления прогноза не основывается на одних ожиданиях; ожидать можно и невероятного. Вероятность предсказанного будущего происходит прежде всего

из предзаданности прошлого, и не важно, переработано оно научно или нет. Первичным является диагноз, содержащий данные опыта. С этой точки зрения открытое для будущего пространство опыта само задает горизонт ожиданий. Опыт делает прогнозы возможными и управляет ими.

Но прогнозы также определяются установкой, что чего-то следует ожидать. Предусмотрительность, спроецированная на более узкое поле действий, вызывает ожидания, в которые включены страх или надежда. Альтернативные обстоятельства также следует принимать во внимание, ведь возможностей всегда больше, чем способна реализовать грядущая реальность. Так, прогноз раскрывает ожидания, которые следуют не только из опыта. Сделать прогноз — значит уже изменить ситуацию, в которой он возник. Таким образом, прежнего пространства опыта недостаточно, чтобы предопределять горизонт ожиданий.

Следовательно, пространство опыта и горизонт ожиданий не стоит соотносить друг с другом статично. Они конституируют темпоральную разницу «сегодня», различным образом сцепляя друг с другом прошлое и будущее. Осознанно или неосознанно, эта связь, которую они устанавливают каждый раз заново, сама по себе имеет прогностическую структуру. Таким образом, мы получаем признак исторического времени, который в то же самое время показывает его изменчивость.

Историческое изменение через призму опыта и ожидания

Я перехожу к историческому (*historischen*) применению наших двух категорий. Мой тезис заключается в том, что в Новое время разница между опытом и ожиданием постоянно возрастает, точнее, Новое время впервые понимается как «новое» именно потому, что ожидания как никогда отдалились от всего наработанного к тому времени опыта.

Тем самым еще не решен вопрос о том, имеем ли мы дело с объективной историей или только с субъективной рефлексией. Ведь прошлый опыт содержит все объективные данные, которые включены в способы его переработки. Конечно, это оказывает воздействие и на прошлые ожидания. Рассмотренные лишь в качестве ориентированных на будущее установок, они могут обладать только своеобразной психической реальностью. Но в качестве мотива их действенность следует принимать во внимание не меньше, чем влияние переработанного опыта, так как ожидания уже создали новые возможности за счет уходящей действительности.

В начале следует привести некоторые «объективные» данные. Их очень легко обнаружить, если обратиться к социальной истории [Gehlen 1974, s. 176]. Крестьянский мир, с которым еще двести лет назад во многих частях Европы было связано до 80% людей, жил согласно циклам природы. Если не учитывать структуру социальной организации, колебания спроса (особенно в торговле сельскохозяйственными продуктами на дальние расстояния), колебания на денежном рынке, то повседневность зависела от того, что давала природа. Урожай зависел от солнца, ветра и погоды, а все необходимые навыки передавались из поколения в поколение. Технические инновации, которые все же происходили, внедрялись столь медленно, что не разрушали жизненный уклад. К ним можно было приспособиться, не нарушая упорядоченность содержания предшествующего опыта. Даже войны рассматривались как посланные Богом и допустимые события. То же можно сказать и в отношении городской жизни ремесленников, чьи цеховые регламенты, а они были невероятно детализированы, заботились именно о том, чтобы все оставалось как есть. То, что они стали восприниматься как сковывающие, уже предполагает новый горизонт ожиданий более свободной экономики.

Это, конечно, очень упрощенная картина, но достаточная для нашей проблемы: ожидания, которые возникали или только и могли возникнуть в описанном крестьянско-ремесленном мире, были полностью обусловлены опытом предков, который становился опытом и их потомков. Если что-то и менялось, то так медленно, что разрыв между предшествующим опытом и новыми ожиданиями не приводил к разрушению унаследованного жизненного мира.

Впрочем, это почти беспроблемное перенесение предшествующего опыта на возникающие ожидания не распространялось на все слои в равной степени. В мире политики с ее усиливающейся мобилизацией властных средств (здесь можно назвать две примечательные волны событий — Крестовые походы и колониальные завоевания), а также в интеллектуальном мире в результате коперниканского переворота, череды технических изобретений и открытий раннего Нового времени — во всех этих сферах предположительно осознавалось различие между унаследованным опытом и возникающими ожиданиями. «*Quot enim fuerint errorum impedimenta in praeterito, tot sunt spei argumenta in futurum*», как сказал Бэкон [Bacon 1858, s. 200][1]. Прежде всего там, где пространство опыта было разру-

1 «Все те ошибки, что были помехой в прошедшее время, суть лишь доводы в пользу надежды на будущее» (цит. по: Бэкон Ф. (1972) *Новый Органон,* Ч. II, XCIV М.:. 58) - *Прим.пер.*

шено в течение жизни одного поколения, все ожидания утратили определенность, вызывая к жизни новые ожидания. После Ренессанса и Реформации это разрушительное напряжение стало охватывать все новые социальные слои.

Пока христианское учение о Судном дне поддерживало непреодолимую границу горизонта ожиданий (грубо говоря, до середины XVII века), будущее оставалось привязанным к прошлому. Библейское откровение и церковные власти связывали напряжение между опытом и ожиданием таким образом, что они не могли распасться. Затронем коротко этот момент.

Ожидания, которые выходили за пределы всего предшествующего опыта, не соотносились с этим миром. Насыщенные апокалиптикой, они были направлены на потустороннее, на конец этого мира в целом. Даже регулярные разочарования из-за так и не наступившего конца света не могли ничего изменить.

Несбывшееся пророчество всегда можно было воспроизвести заново. Более того, неисполнение прошлого пророчества только увеличивало вероятность, что следующее предсказание конца света сбудется. Повторяющаяся структура апокалиптических ожиданий обеспечивала иммунитет от противоречивших им ожиданий, возникших на почве этого мира. Они доказывали *ex post* противоположность того, что сами прежде якобы подтверждали. Таким образом, речь идет об ожиданиях, на которые не способен повлиять никакой противоречащий им опыт, потому что они выходят за пределы этого мира.

Это позволяет объяснить то, что сегодня кажется не поддающимся рациональному пониманию. Между одним не подтвердившимся ожиданием конца света и следующим сменялись несколько поколений. Таким образом, возобновление пророчеств о конце света было встроено в естественный цикл смены поколений. В этом смысле долгосрочный земной повседневный опыт никогда не противопоставлялся ожиданиям, направленным на конец света. Направленность христианских ожиданий и земного опыта была различной, но они соотносились между собой, не опровергая друг друга. Соответственно, эсхатология могла воспроизводиться до такой степени и до тех пор, пока само пространство опыта в этом мире не изменилось фундаментально.

Это изменение произошло с открытием нового горизонта ожиданий, позднее выраженного словом «прогресс»[1]. Терминологически

1 В переводе А.В. Гулыги *Fortschritt* передано как «успех», однако Кант является изобретателем смысла слова *Fortschritt*, и здесь Р. Козеллек приводит цитату именно для демонстрации значения слова. См. Кант И. Собрание сочи-

духовный *profectus* был вытеснен или заменен земным *progressus*. С этого момента стремление к возможному совершенству, ранее достижимому только в потустороннем мире, служило улучшению земного бытия, что позволяло отказаться от учения о Страшном суде в пользу риска открытого будущего. В конечном счете цель совершенствования была темпорализована, изначально Лейбницем, и включена в ход земных событий: *progressus est in infinitium perfectionis* [Leibniz 1958, p. 150]. Или, как заключает Лессинг: «Я верю, что все сотворенное Создателем, должно быть способно к совершенствованию, раз оно является его совершенным творением» [Lessing 1904, s. 53]. Этой темпорализации учения о *Perfectio* во Франции соответствовало выражение *perfectionnement*, с которым Руссо увязывал основное историческое предназначение человека — *perfectibilité*.

С этого времени всю историю можно рассматривать как процесс постоянного и ускоряющегося совершенствования, который, несмотря на все провалы и отклонения, в конечном счете планируется и осуществляется самими людьми. Цели определялись каждым последующим поколением, и планируемый эффект стал основой легитимации политического действия. Итак, с этого времени и далее горизонт ожиданий получил прогрессирующий коэффициент изменения.

Но не только горизонт ожиданий получил исторически новое качество, на которое продолжали влиять утопии. Все сильнее изменялось пространство опыта. Понятие «прогресс» впервые возникло в конце XVIII века и выразило все многообразие нового опыта трех предшествовавших столетий. Единое и универсальное понятие прогресса подпитывалось многообразным индивидуальным опытом, все глубже проникавшим в повседневную жизнь, а также невиданным прогрессом в отдельных областях. Я могу причислить к ним коперниканский переворот [Blumenberg 1975], постепенно развивающуюся новую технику, открытие глобального мира и его народов, находящихся на различных уровнях развития, и, наконец, разложение сословного мира индустрией и капиталом.

Все эти примеры опыта указывают на одновременность неодновременного или, наоборот, на неодновременное в одно и то же

нений. Т. 7. М.: 56: «Если осуществление состояния публичного права, хотя бы только в бесконечном приближении, является долгом и вместе с тем обоснованной надеждой, то вечный мир, который последует за мирными договорами (до сих пор это название применялось неверно; собственно говоря, были только перемирия), есть небессодержательная идея, но задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, видимо, будет становиться все короче) все ближе и ближе подходит к своему финалу». — *Прим.пер.*

время. Фридрих Шлегель стремился схватить «нововременной» (*Neuzeitliche*) характер истории, познаваемой как прогресс: «Действительная проблема истории — это несоразмерность прогресса в различных аспектах человеческого развития (*Bildung*); в частности, значительное расхождение уровней интеллектуального и этического развития» [Schlegel 1975, s. 236].

Прогресс, таким образом, охватывал опыт и ожидания, которые обладали темпоральным коэффициентом изменения. Одни стали воспринимать себя более *прогрессивной* группой, страной или, наконец, классом — или стремились догнать или обогнать других. Те, кто имел превосходство в технике, с презрением смотрел на народы, пребывающие на более ранних стадиях развития, считая себя вправе руководить цивилизационно отстающими. Кто-то усматривал в сословной иерархии статичный порядок, который в будущем будет упразднен под давлением прогрессивных классов. Можно увеличивать количество примеров. Нас здесь прежде всего интересует то, что прогресс был направлен на активную трансформацию этого, а не потустороннего мира, и не важно, насколько многообразными с точки зрения истории идей могут быть взаимосвязи между христианским ожиданием будущего и прогрессом. Новым было то, что ожидания, обращенные в будущее, оказались оторваны от всего, что предлагал прежний опыт. Новый опыт, связанный с завоеванием колоний, развитием науки и техники, был уже недостаточен для формирования ожиданий. С этого времени пространство опыта более не окружал горизонт ожиданий. Границы пространства опыта и горизонта ожиданий стали расходиться.

Стало почти правилом, что всякий предшествующий опыт не может служить возражением против возможности иного будущего. Будущее будет отличным от прошлого, и, конечно, лучше. Все усилия Канта как философа истории были направлены на упорядочивание противоречащих возражений опыта таким образом, чтобы они подтверждали ожидания прогресса. По собственному выражению, Кант противился тезису, что «все останется, каким было раньше» [Kant 1912a, s. 25][1], и, следовательно, невозможно предсказать ничего исторически нового.

Это утверждение полностью переворачивает все принятые до того формы исторического предсказания. Тот, кто вместо пророчеств стал доверять прогнозам, выводил это, разумеется, из пространства опыта прошлого, чьи предзаданные величины изучались и в большей или меньшей степени учитывались при

1 Цит. по: Кант И. (1966) *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*. Собр. соч.,Т. 6. М.: 17. — *Прим.пер.*

проектировании будущего. Именно потому что все останется таким, каким оно было всегда, вообще возможно предсказывать грядущее. Как рассуждал Макиавелли, «желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставлены с подобными им в старину» [Machiavelli 1922][1]. Так же аргументировал Дэвид Юм, когда задавался вопросом, склоняется ли форма правления в Британии к абсолютной монархии или республике [Hume 1951, p. 162 ff.]. Он еще оставался в пространстве аристотелевских категорий, которое ограничивало число возможных вариантов конституционных форм. Все политики действовали в соответствии с этими представлениями.

Кант, который, вероятно, был автором понятия «прогресс», указывает на переворот, о котором здесь идет речь. Предсказание, которое в основном предвещает то же самое, не было для Канта прогнозом, так как противоречило его ожиданиям, что в будущем будет лучше, потому что *должно* быть лучше. Таким образом, опыт прошлого и ожидания будущего больше не соотносились, а были разделены ожиданиями прогресса. Из прагматического прогноза возможного будущего возникло долгосрочное ожидание нового будущего. Кант соглашался с тем, что «непосредственно решить задачу прогресса с помощью опыта невозможно». Но он добавлял, что новый опыт, такой, как Французская революция, может быть накоплен в будущем, так что обучение на основе повторяющегося опыта может защитить «постоянное продвижение к лучшему» [Kant, 1907][2]. Это утверждение стало возможным только тогда, когда история стала полагаться и постигаться как уникальная не только в каждом отдельном случае, но и как целостность, обращенная в прогрессивное будущее.

Если вся история уникальна, то таким должно быть и будущее, отличающееся от прошлого. Эта историко-философская аксиома — результат Просвещения и эхо Французской революции — обосновывает как историю вообще, так и прогресс в частности. И то, и другое является понятиями, достигающими своей историко-философской полноты только с их лексическим оформлением, и то, и другое указывает на одно и то же обстоятельство, что ожидания больше не могут опираться на предшествующий опыт.

С возникновением прогрессивного будущего также изменилась

1 Цит. по: Макиавелли Н. (2004) *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. Кн. III. Гл. XLIII, М.: 460. — *Прим.пер.*

2 Цит. по: Кант И. (1994) *Спор факультетов*. Т. 7. М.: 95, 99. — *Прим.пер.*

и историческая значимость прошлого. Вольтманн писал в 1799 г.: «Французская революция стала для мира явлением, которое, казалось, насмехается над всей исторической (*historischen*) мудростью; и она ежедневно порождала новые феномены, по поводу которых было все менее осмысленно обращаться к истории» [Geschichte und Politik, 1800, s. 3].

Нарушение преемственности относится к распространившимся тогда топосам, и потому «дидактическая цель не совместима с историей», как заключает Крейцер в 1803 г. [Creuzer 1803, s. 232 ff.]. Превратившись в уникальный темпоральный процесс, история уже не могла преподаваться в качестве примера. Унаследованный исторический (*historische*) опыт уже не мог непосредственно распространяться на будущее. Поэтому, как продолжает Крейцер, историю следовало бы «пересматривать и заново пояснять каждому новому поколению прогрессирующего человечества». Иными словами, критическая переработка прошлого, возникновение исторической школы базируется на том же выводе, согласно которому прогресс был отнесен в будущее.

Этот вывод никоим образом нельзя отбросить просто как современную идеологию, хотя в различении между опытом и ожиданиями идеология и критика идеологии зависят от перспективы, обусловленной занимаемой позицией. Наши первоначальные систематические рассуждения, историческое происхождение которых теперь стало ясным, показали нам антропологически обусловленную асимметрию между пространством опыта и горизонтом ожиданий. На первую попытку постичь Новое время как новое время указывает тот факт, что эта асимметрия сужалась до необратимого прогресса и трактовалась односторонне. «Прогресс» — это первое действительно историческое понятие, которое в одно слово выражает временную разницу между опытом и ожиданиями.

Все, что мы говорили ранее, относится к такому опыту, который уже не вытекал из предшествующего, и о формулировании ожиданий, которые ранее не могли возникнуть. Этот вызов усиливался во время всего периода, который сейчас называется ранним Новым временем. Он подпитывался утопическим потенциалом и привел к водовороту событий Французской революции. Так был подорван прежний мир социально-политического опыта, встроенный в смену поколений. «Чем настойчивее история вытесняет последовательно происходящее, тем яростнее и тотальнее будет борьба», замечал Фридрих Пертес. В прежние эпохи смена направления происходила в течении столетий. «Наше же время объединило абсолютно несовместимое в трех одновременно живущих поколениях. Чудовищные противоречия 1750, 1789, 1815 года обходятся без переходов и проявляются не друг за другом, а наряду друг с другом в ныне

живущих людях, которые приходятся друг другу дедами, отцами или внуками» [Perthes 1872, s. 240 ff., 146 ff.].

Из движения времени возникает динамическая многослойность различных времен в одно и то же время.

Можно сказать, что в понятии прогресса было сформулировано столкновение старого и нового — в науке и искусстве, в разных странах, сословиях и классах. После Французской революции это стало повседневным переживанием. Люди жили в том же самом пространстве опыта, которое, однако, разрушалось быстрее или медленнее в зависимости от принадлежности к политическому поколению и социальной позиции. Именно с того момента стало осознаваться переходное время, выявляющее временную разницу между опытом и ожиданиями.

К этим социально-политическим последствиям с конца XVIII века добавляется еще один — это технический и промышленный прогресс, который сказался на всем, хоть и по-разному. Общим эмпирическим принципом научных изобретений и их промышленного применения становится ожидание нового прогресса, который невозможно просчитать заранее. Будущее, не выводимое из опыта, одновременно придало уверенность ожиданиям того, что научные изобретения и открытия создадут новый мир. Наука и техника стабилизировали прогресс как растущее временное различие между опытом и ожиданиями.

Наконец, существует безошибочный индикатор того, что эта разница сохраняется только изменяясь — речь идет об ускорении. Как социально-политический, так и научно-технический прогресс в результате ускорения меняет временные ритмы жизненного мира. Они приобретают истинно историческое качество, которое отличается от естественного времени. Уже Бэкон был вынужден предполагать, что открытия будут случаться все чаще: «*Itaque longa plura et meliora, atque per minora intervalla, a ratione et directione et intentione hominum speranda sunt*» [Bacon 1858, p. 207][1]. Лейбниц же смог наделить это утверждение опытом. Наконец, Адам Смит показал, что «*progress of society*» берет свое начало в экономии времени, возникающей в результате разделения труда в интеллектуальном и материальном производстве и изобретения машин.

1 «Поэтому гораздо большего, лучшего и получаемого через меньшие промежутки времени следует ожидать от рассудка, деятельности, направленности и стремления людей, чем от случая, животных инстинктов и тому подобного, что до сих пор давало начало открытиям». Цит. по Бэкон Ф. (1972) *Новый органон*. Ч. 2. Гл.108. М.: 65.– *Прим.пер.*

Людвиг Бюхнер[1], для которого «регресс — локален и временен, а прогресс — бесконечен и повсеместен», в 1884 г. уже не считал удивительным, «если сегодня прогресс одного века равен прогрессу целого тысячелетия в прошлые времена» [Büchner 1884, s. 30, 34], так как теперь каждый день приносит что-то новое.

Хотя морально-политический прогресс отстает от опыта прогресса в науке и технике, максима ускорения распространяется и на эту сферу. Горизонту ожиданий, заданному поздним Просвещением, присуще убеждение, что будущее все более стремительным образом не только изменяет, но и улучшает общество. Несколько в иной форме, где надежда опережает опыт, этот топос использовал Кант, чтобы увериться в грядущем возникновении организации, поддерживающей мир во всем мире, поскольку «промежуток времени, необходимый для достижения условной единицы прогресса (*Fortschritt*)[2], надо надеяться, будет сокращаться» [Kant 1912b][3]. Этой уверенности не помешали даже изменения в социальной и политической организации, начавшиеся с 1789 г., которые, кажется, фактически разрушили всякий унаследованный опыт.

Ламартин писал в 1851 г., что он с 1790 г. пережил восемь различных систем правления и десять правительств. «*La rapidité du temps supplée à la distance*»; все новые события происходят между наблюдателем и объектом. «*Il n'y a plus d'histoire contemporaine. Les jours d'hier semblement déjà enfoncés bien loin dans l'ombre du passé*» [Lamartine 1851, p. 1][4], так он описал опыт, который был повсеместным и в Германии. Или можно привести соответствующее свидетельство из Англии: «*The world moves faster and faster, and the differences will probably be considerably greater. The temper of each new generation is a continual surprise*»

1 Бюхнер Людвиг (1824-1899) — немецкий врач, философ, сторонник материализма и идеи прогресса. — *Прим.пер.*

2 В переводе А.В. Гулыги *Fortschritt* передано как «успех», однако Кант является изобретателем смысла слова *Fortschritt*, и здесь Р. Козеллек приводит цитату именно для демонстрации значения слова. См. Кант И. *Собрание сочинений*. Т. 7. М.: 56: «Если осуществление состояния публичного права, хотя бы только в бесконечном приближении, является долгом и вместе с тем обоснованной надеждой, то вечный мир, который последует за мирными договорами (до сих пор это название применялось неверно; собственно говоря, были только перемирия), есть не бессодержательная идея, но задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, видимо, будет становиться все короче) все ближе и ближе подходит к своему финалу». — *Прим.пер.*

3 Цит. по: Кант И. (1994) *К вечному миру*. Т. 7. М.: 56. — *Прим.пер.*

4 Перевод с фр.: «Стремительность времени заменяет расстояние… Больше нет современной истории. Вчерашние дни, кажется, уже погрузились в тень прошлого».

[Briggs 1959, p. 3][1]. Увеличивается не только разрыв между прошлым и будущим, каждый раз заново и все быстрее должна преодолеваться разница между опытом и ожиданиями.

Доказательств достаточно. С помощью исторического понятия ускорения уже получена историческая (*historische*) категория познания, которая позволяет заменить прогресс, мыслимый как лишь «улучшение» (по-английски *improvement* и по-французски *perfectionnement*).

Далее мы не станем об этом говорить. Наш исторический тезис звучит следующим образом: в Новое время разница между опытом и ожиданиями значительно увеличивается, а точнее, Новое время воспринимается таковым именно потому, что напряженные ожидания все больше отдаляются от полученного опыта. Эта разница получает осмысление как «история» вообще, а ее специфическое нововременное качество впервые выражается понятием «прогресс».

Чтобы проверить продуктивность обеих познавательных категорий, в заключение следует очертить еще два семантических поля, которые в отличие от «прогресса» и «истории» не имеют прямого отношения к историческому времени. Это продемонстрирует, что градация социальных и политических понятий по категориям «ожидания» и «опыт» служит ключом к обнаружению изменчивого исторического времени. Приведем ряд примеров из топики конституционных понятий.

Прежде всего обратимся к немецкому словоупотреблению, которое отсылает к федеральным формам организации, относящимся к необходимым основам человеческой жизни и всякой политики. В позднее Средневековье сложные формы объединения между сословиями лишь с течением времени фиксируются в понятии «союз» (*Bund*) [Koselleck 1972a, s. 582 ff.]. Это выражение впервые обнаруживается (вне латинской терминологии) после того как неустойчивые формы объединения продемонстрировали воспроизводимость, хоть и в ограниченных по времени формах. То, о чем договаривались устно, например, отдельные сделки, по поводу которых люди брали на себя обязательства или объединялись на короткий срок, в результате удавшейся институциализации ретроспективно были объединены в одном понятии «союз». У отдельного «союза» (*Bündnis*) было первичное значение осуществления в настоящем, в то время как *Bund* фиксирует институализированное состояние. Это проявляется, например, в изменении субъектов действия, когда вместо

1 Перевод с англ.: «Мир движется все быстрее и быстрее, а отличия будут, вероятно, все увеличиваться. Характер каждого следующего поколения — постоянная неожиданность», J.A.Froude.

«Союза городов» (*Bund der Städte*) речь начинает идти о «городах Союза» (*Städten des Bundes*). Подлинный субъект действия скрыт за генитивной конструкцией. Если «*Bund der Städte*» подчеркивает отдельных партнеров, то «*Städten des Bundes*» подчинены растущему агенту, то есть союзу.

Так, многочисленные союзные акты (*Bündnisakte*) и союзы (*Bündnisse*) ретроспективно объединяются в коллективном единственном числе. «Союз» (*Bund*) охватил уже накопленный опыт и выразил его в одном понятии. Речь идет, говоря точнее, о понятии, регистрирующем опыт. Оно насыщено прошедшей действительностью, которая в результате политических действий могла быть сохранена и продолжена в будущем.

Подобное же можно увидеть на примерах других многочисленных выражений политического и правового языка позднего Средневековья и раннего Нового времени. Даже воздерживаясь от слишком систематической интерпретации и, следовательно, теоретической перегрузки, можно утверждать, что их временная градация всегда преломлялась в понятиях опыта, которые сформированы прошлым.

Совсем другая темпоральная нагрузка у трех других связанных с союзом понятий, возникших к концу существования старой империи: *Staatenbund, Bundesstaat, Bundesrepublik*. Все три выражения, появившиеся около 1800 г., являются искусственно образованными словами, причем *Bundesrepublik* была придумана Иоганном фон Мюллером вслед за «*république fédérative*» Монтескье [Müller 1833, s. 259 ff.; Montesquieu 1848, p. 108]. Эти три искусственных слова вообще не основывались исключительно на опыте. Их целью было свести определенные организационные возможности федеративного устройства, существовавшие в угасающем Рейхе, в единое понятие, которое могло бы оказаться полезным в будущем. Речь идет о понятиях, которые не выводились полностью из устройства империи, но выражали определенные сегменты опыта, которые могли быть реализованы в будущем. Если Священная Римская империя больше не могла пониматься — без точно определения — как *Imperium* императора и Рейхстага, то по крайней мере было возможно сохранить для нового века преимущество федеральных конституционных форм полусуверенных государств, то есть не допустить абсолютистских или революционных государственных образований. Ясно, что эта ссылка на опыт старого Рейха была попыткой предвосхитить будущее устройство Германского союза, даже если грядущая конституционная реальность еще не просматривалась. Однако внутри имперской конституции стали заметны долгосрочные структуры, которые могли постигаться как грядущие возможности. Так как понятия обобщали неясный и скрытый опыт, содержали прогностический потенциал, который открывал новый горизонт ожиданий.

Таким образом, речь уже идет не о понятиях, регистрирующих опыт, а скорее о понятиях, которые такой опыт генерируют.

Третье созданное слово полностью уводит нас в пространство будущего. Речь идет о выражении «лига наций» (*Völkerbund*), которое ввел Кант, чтобы перевести в моральное и политическое измерение то, что ранее подразумевалось под Царством Божьим на Земле. Точнее говоря, из понятия выводилось предвосхищение. Кант ожидал от будущего, что республиканский союз самоорганизующихся народов будет претворен в жизнь в кратчайшие сроки и с нарастающим ускорением. Надгосударственные федеративные планы, конечно, намечались и ранее, но не в качестве схемы глобальной организации, реализация которой являлась бы требованием практического разума. «*Völkerbund*» было чистым понятием ожидания, которому не могла соответствовать никакая эмпирика.

Таким образом, индикатор темпоральности, который содержится в антропологически предзаданном напряжении между опытом и ожиданием, дает нам масштаб, также позволяющий схватить в конституционных понятиях наступление Нового времени. Языковая форма конституционных понятий — если обратиться к их темпоральной протяженности — свидетельствует о сознательном разведении пространства опыта и горизонта ожиданий. Преодоление различия между ними становится задачей политического действия.

Это становится еще более очевидно в следующей серии примеров. Аристотелевские формы правления (монархия, аристократия, демократия), которые до сих пор были достаточны для обобщения политического опыта в своих чистых, смешанных и извращенных формах, в 1800-х годах получили историко-философскую форму. Эти три типа устройства были приведены к неизбежной альтернативе «деспотия или республика», причем альтернативные понятия получили темпоральный индикатор. Исторический путь проходил от деспотии в прошлом к республике в будущем. Старое политическое родовое понятие *res publica*, которое до сих пор было способно охватить все формы правления, таким образом, получило ограниченный, но ориентированный на будущее характер исключительности. Это изменение, описанное здесь лишь вкратце, было давно теоретически подготовлено. Результат стал ощутим во время Французской революции. Из понятия, применяемого исторически (*historisch*) или теоретически, но в любом случае наполненного опытом, возникает понятие ожидания. Это изменение перспективы также можно проиллюстрировать с помощью Канта [Koselleck 1972b, s. 848 ff.]. «*Republik*» была для него целеполаганием, постоянно предзаданным человеку и выводимым из практического разума. Кант использовал новое словосочетание «*Republikanismus*» для обозначения пути к ней.

Республиканизм обозначал принцип исторического движения, поддержка которого вытекала из морального императива политического действия. Независимо от того, какое устройство бытует ныне, в долгосрочной перспективе требовалось заменить власть человека над человеком на власть закона, т.е. осуществить республику.

Республиканизм, таким образом, был понятием движения, которое для пространства политического действия делало то же самое, что и понятие «прогресс» для всей истории. Старое понятие «республика», указывающее на состояние, превратилось в *telos* и было темпорализировано с помощью суффикса *-ismus* в понятие движения. Оно позволяло теоретически предвосхитить наступающее историческое движение и влиять на него практически. Темпоральная разница между всеми ранее известными формами правления и ожидаемым и желаемым политическим устройством, таким образом, воплотилась в одном понятии, имевшем непосредственное воздействие на политические события.

Так можно описать временную структуру понятия, которая постоянно проявляется в многочисленных новых формах, выражающих проекты достижения и опережения будущего. За «республиканизмом» следуют «демократизм», «либерализм», «социализм», «коммунизм», «фашизм» — и это только те, что оказали наибольшее влияние. Все эти выражения при своем возникновении лишь в незначительной степени опирались на опыт или соответствующий опыт вообще отсутствовал, во всяком случае это не был тот опыт, на который ориентировались при образовании понятий. В процессе их реализации, конечно, использовался огромный старый опыт, элементы которого уже содержались в аристотелевских конституционных понятиях.

Однако цель и функция понятия движения отличают их от старой топологии. Аристотелевское словоупотребление вводило в оборот три типа власти, их смешанные и извращенные формы, и нацеливалось на конечные возможности человеческой самоорганизации так, что одна выводилась из другой исторически (*historisch*). Понятия движения должны были открыть возможности нового будущего. Вместо конечной и ограниченной возможности анализировать вероятности возможного государственного устройства они были призваны помочь установить новое состояние государства.

С социально-исторической точки зрения речь идет о терминах, появившихся как реакция на вызов технически и индустриально изменяющегося общества. Они были необходимы, чтобы организовать разделенные по сословному признаку массы под новыми лозунгами; в них входили социальные интересы, научные и политические диагнозы. В этом отношении такие термины имели

лозунговый характер, который обеспечивал формирование партий. С этого времени все политико-социальное языковое поле выводится из растущего напряжения между опытом и ожиданием.

Всем понятиям движения присущ компенсаторный эффект. Чем меньше содержание опыта, тем больше связанных с этим ожиданий. Чем меньше опыт, тем больше ожидание — такова формула темпоральной структуры Модерна, если она выражается понятием «прогресса». Это стало понятно, когда всего предшествующего опыта оказалось недостаточно, чтобы обосновывать ожидания, вытекающие из процесса технологической перестройки мира. Если же соответствующие политические планы, однажды созданные революцией, реализовывались, то старые ожидания разрушались под давлением нового опыта. Это касается и республиканизма, и демократизма, и либерализма, насколько предшествующая история позволяет сделать такой вывод. Предположительно то же случится и с социализмом, а также коммунизмом, если он вообще когда-нибудь будет достигнут.

Таким образом, возможно, вновь станет справедливым старое определение: чем больше опыт, тем более осторожны, но в то же время более открыты ожидания. Тогда, вне всякой эмпатии, был бы достигнут конец «Нового времени» в смысле улучшающего прогресса.

Историческое применение двух наших метаисторических категорий дало ключ к познанию исторического времени, а именно — к возникновению так называемого Нового времени как отличного от предшествующих эпох. При этом стало ясно, что наше антропологическое предположение об асимметрии опыта и ожидания само оказалось продуктом познания переломного времени, в котором такая асимметрия истолковывалась в прогрессивном духе. Конечно, наши категории предлагают гораздо больше, чем объяснительную модель генезиса прогрессирующей истории, которая впервые была концептуализирована с помощью понятия «Новое время».

Точно так же эти категории указывают на односторонность прогрессивных интепретаций. Очевидно, что опыт накапливается лишь потому, что он повторяем в качестве опыта. Таким образом, также должны существовать долгосрочные формальные структуры истории, которые позволяют постоянно накапливать опыт. Для того, чтобы история вновь могла пониматься в качестве постижимой, необходимо преодолеть разницу между опытом и ожиданиями. История (*Historie*) способна понимать постоянно изменяющееся и новое лишь тогда, когда она знает традицию, в которой скрыты долговременные структуры. Их выявление и изучение позволяет превратить исторический опыт в историческую науку.

Библиография/References

Bacon F. (1858) Novum Organum. *The Works of Francis Bacon*. Bd. 1. London. Ndr. Stuttgart-Bad Cannstatt.

Blumenberg H. (1975) *Die Genesis der Kopernikanische Welt*. Frankfurt a. M.

Briggs A. (1959) *The Age of Improvement.* London.

Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hg.) (1975) Geschichtliche Grundbegriffe Bd. 2. Stuttgart.

Büchner L. (1884) *Der Fortschritt in Natur und Geschichte im Lichte der Darwinschen Theorie*. Stuttgart.

Creuzer G.F. (1803) *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. Leipzig.

Drozdzynski A. (1974) *Der Politische Witz im Ostblock*. Düsseldorf.

Gadamer H.-G. (1960) *Wahrheit und Methode*. Tübingen.

Gehlen A. (1974) Erfahrung zweiter Hand. *Der Mensch als geschichtliches Wesen*. Fschr. Michael Landmann, Stuttgart.

Geschichte und Politik (1800). *Eine Zeitschrift*. Hg. v. Karl Ludwig Woltmann, 1.

Goethe und Reinhard (1957) *Briefwechsel*. Frankfurt a. M.

Hume D. (1951) Essays. *Theory of Politics*. Frederick Watkins (ed.), Edinburgh.

Kant I. (1907) *Der Streit der Fakultäten*, 2. Abschn., Abs. 4 u. 7. AA Bd. 7.

Kant I. (1912a) *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht.* Siebter Satz. A.A. Bd 8. Berlin; Leipzig.

Kant I. (1912b). *Zum ewigen Frieden*. AA Bd. 8.

Koselleck R. (1972a) Bund, Bündnis, Föderalismus, Bundestaat. *Geschichtliche Grundbegriffe*. Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hg.). Bd 1. Stuttgart.

Koselleck R. (1972b) Demokratie. *Geschichtliche Grundbegriffe*. Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hg.). Bd 1. Stuttgart.

Koselleck R. (1975) Geschichte. Historie. *Geschichtliche Grundbegriffe*. Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hg.). Bd 2. Stuttgart.

Lamartine (1851) *Histoire de la Restauration*. Bd 1. Paris.

Leibniz (1697) *De rerum originatione radicali Opera philosophica*. Hg. v. Job. Eduard Erdmann, Berlin, 1840, Ndr. Aalen (1958).

Lessing (1904) Brief an Moses Mehndelssohn. V. 21.1.17. *Sämtliche Schriften*, Bd. 17, Stuttgart, Leipzig, Berlin.

Machiavelli N. *Discorsi*. Dt. v. F. v. Oppeln-Bronikovjski, Berlin 1922.

Montesquieu (1848). *Esprit des lois*. Paris.

Müller J. (1833) *Teutschlands Erwartungen vom Fürstenbunde (1788).* Sämtlich Werke. Bd. 24. Stuttgart, Tübingen.

Novalis (1960). *Heinrich von Ofterdingen* 1,5. Schriften. Hg. v. Paul Kluckhohn u. Richard Samuel, 2. Aufl., Bd. 1, Stuttgart, Darmstadt.

Perthes C.Th. (1872) *Leben*. Bd. 2, Gotha.

Schlegel F. (1964) *Kritische Schriften.* Hg. v. W. Rasch, 2. Aufl. München.

Schlegel F. (1975) Condorcets «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain». *Kritische Schriften*. (s. Anm. 1).